

права, и считаем, что корпоративное право остро нуждается в институционализации и формировании целостной доктринальной основы.

Так, корпоративное право представляет собой самостоятельную отрасль права – совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с системой принятия и юридического оформления внутриорганизационных решений и совершаемых субъектами рассматриваемых отношений юридически значимых и фактических действий, обусловленных целями и задачами функционирования соответствующей организации.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что именно в рамках белорусской правовой науки сформировалось корректное восприятие системы корпоративных отношений и природы корпоративного права [3]. Однако на пути институционализации корпоративного права необходимо преодолеть еще множество препятствий концептуального характера.

В этой связи требуется особо подчеркнуть необходимость проведения комплексных научных исследований по проблематике корпоративного права, позволяющих выработать нашу собственную – национальную правовую доктрину корпоративных отношений – и исключить из практики целый комплекс заблуждений относительно их природы.

Список использованных источников

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол. : С .А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ. – Т. 2 : К – О. – 2009. – 583 с.
2. Корпоративное право : актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов [и др.]; под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт, 2009. – 552 с.
3. Конаневич, Ю. Г. Корпоративные отношения в системе правовых отношений / Ю. Г. Конаневич, Н. Л. Бондаренко // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования = State Regulation of the Economy and Enhancing the Performance Efficiency of Business Entities : сборник материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2020 г. / редкол.: Г. В. Пальчик (пред.) [и др.] ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 197 с.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

Д. В. Семашко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, d.v.semashko@gmail.com*

Правовая природа инвестиционного права характеризуется двойственностью, вызванной взаимодействием внутри его институтов частного и публичного права. В качестве критериев отнесения инвестиционного права к той или иной отрасли выступают интереса, функциональной направленности норм, характера отношений между субъектами, субъекта создания норм, юрисдикции.

Ключевые слова: инвестиционное право, частное право, публичное право, критерии разграничения.

Существующая дискуссия касательно правовой природы инвестиционного права происходит в нескольких плоскостях. В одной из них речь идет об отнесении к праву частному или публичному, несмотря на все чаще встречающийся вопрос об актуальности данного подхода в условиях постоянно развивающейся системы взаимоотношений различных систем и сфер деятельности человечества.

Подход, при котором частное право противопоставляется публичному праву и является одной из самых древних дихотомий в праве, предложенных в Древнем Риме. Широко известно высказывание Ульпиана о том, что частное право служит пользе и интересам конкретного лица, в чем проявляется связь с жизнью отдельно взятого человека [1, с. 12]. В свою очередь публичное право тесно связано с государством, в отличие от частного, служит пользе общего, а не частного интереса, и преследует цель удовлетворения общественных интересов в виде общего блага.

По сути своей гражданское право является стержневой отраслью частного права, регулирующей отношения, возникающие, изменяющиеся, прекращающиеся и охраняемые по воле частных лиц, в то время как в публичном праве правоотношения развиваются преимущественно по воле публичных акторов.

Безусловно, отрасли частного и публичного права тесно переплетены, и как указывалось выше, данное деление в условиях постоянно меняющегося мира в некоторых случаях может показаться весьма условным. Еще с XIX века в правовой доктрине укореняется так называемый «симбиотический» подход, нивелирующий догму Ульпиана, и декларирующий искусственность разделения публичного и частного права в силу его взаимопроникновения и дополнения одних норм другими.

В качестве практической цели разграничения частного и публичного права цивилисты определяют то, в какой мере участники соответствующих правоотношений могут проявлять автономию воли и влиять на формирование собственного правового статуса [1, с. 13].

Исходя из данного подхода, место инвестиционного права в системе права является крайне дискуссионным, исходя из того, что, как таковая, жесткая граница между частным и публичным правом отсутствует, а принципы и методы регулирования со временем перетекают из одной области в другую, что приводит к образованию комплексных сфер (комплексное регулирование помогает быстро преодолеть лакуны в правовом регулировании, что является безусловным плюсом в правоприменительной практике). К таким сложным сферам правоотношений и относятся правовое регулирование инвестиций.

Для определения места инвестиционного права в системе права целесообразно соотнести его с критериями разграничения частного и публичного права, существующих в правовой науке, таких как критерий интереса, функциональной направленности норм, характера отношений между субъектами, субъекта создания норм, юрисдикции.

Так, по критерию интереса нормы инвестиционного права призваны защищать как интересы частного лица – инвестора, так и интересы общества и государства в целом. Касательно функциональной направленности норм исторически инвестиционное право в первую очередь было направлено на защиту вещных прав инвестора, с одной стороны, однако позволяло государству-реципиенту защищать свои права посредством возражений на требования частного субъекта. Специфика отношений между субъектами в инвестиционном праве такова, что в каждом правоотношении присутствует частный и публичный элемент. То же касается и субъектов создания норм: в случае определения в качестве источника нормы договора субъектами являются частное лицо и государство, а в случае, когда источником является наднациональный межгосударственный акт, – государства как договаривающиеся стороны, которые определяют основы правопорядка в конкретных инвестиционных правоотношениях для своих резидентов. Что касается критерия юрисдикции, то судебная практика по инвестиционным спорам с участием иностранных лиц указывает на то, что защита прав осуществляется по инициативе как частного, так и публичного субъекта, причем в случае с частными иностранными инвесторами одним из способов защиты является

обращение в международный арбитраж, в случае, когда соответствующая защита не была предоставлена на национальном уровне.

Таким образом, исходя из критериев разграничения частного и публичного права, нормы, входящие в предмет инвестиционного права состоят из норм, находящихся на стыке частной и публичной сферой.

Уяснение предмета исследования инвестиционного права позволяет его категоризацию и отграничение от массива других правовых норм, а, возможно, выделение в отдельную подотрасль или отрасль права. Следует отметить, что развитие правовой науки на постсоветском пространстве пришло к противоречивости предмета как отличительной характеристики отрасли права, возникшей в силу преобразований системы права после переворота 1917 г.

В теории права принят подход, согласно которому выделение отрасли права возможно по различным основаниям. В то же время отрасли преимущественно выделяются на основании двух основных кумулятивных критериев: предмета правового регулирования и метода правового регулирования. При этом предмет отрасли должен обладать отличительными признаками, несхожими с отношениями, которые регулируются в рамках иной отрасли. К двум названным основаниям классификации добавляют функции, которые выполняет та или иная отрасль права в общей системе права. Используются и иные критерии. При этом «основой отрасли может быть не любая группа общественных отношений, а такая, которая обуславливает специфику правового воздействия» [2, с. 17]. Следует отметить, что с развитием правоотношений растет число комплексных отраслей права, что в современном мире подчеркивает растущее межотраслевое взаимодействие и взаимопроникновение правовых конструкций из одной отрасли в другую.

В то же время, современные цивилисты подчеркивают важность именно метода правового регулирования, что возвращает нас к классической правовой дихотомии, предложенной римским правом.

Вместе с тем существует мнение, что инвестиционные отношения могут быть объединены в единую группу только условно. Поскольку совокупность таких правоотношений презюмируется номинальной, нет и предмета регулирования инвестиционного права и, следовательно, инвестиционное право не может быть признано в качестве самостоятельной отрасли права. А. В. Майфат особо отмечает, что «не покидает ощущение, что некоторые авторы при моделировании

инвестиционного права включают в его предмет все отношения, при регулировании которых законодатель употребляет термины «инвестор», «инвестиции» и производные этих терминов, что, конечно же, категорически недопустимо [3, с. 41].

Соглашаясь с подходом, при котором игнорируется смысловая наполненность правовых норм, окончательная оценка инвестиционного права как потенциальной отрасли должна предваряться исследованием иных критериев отграничения правовых норм. В связи с этим, учитывая ограниченность применения предмета как единственного критерия определения границ инвестиционного права необходимо уяснить, имеется ли специальный метод регулирования инвестиционных отношений.

По мнению В. Н. Лисицы, регулирование инвестиционной деятельности осуществляется с использованием различных методов в зависимости от вида отношений между субъектами правоотношения. Учитывая вышеизложенный анализ отнесения инвестиционного права к смешанной частной и публичной сфере регулирования, вывод об отсутствии собственного (самостоятельного) метода инвестиционного права представляется обоснованным. При этом, использование метода гражданско-правового регулирования, характеризующегося как правонаделительный, сочетается с публично-правовым (императивным) методом [4, с. 38].

Такой подход повторяет выводы о соотношении критериев частного и публичного права при оценке правового регулирования инвестиционных правоотношений. Это также не дает однозначного ответа о возможности выделения инвестиционного права в обособленную отрасль.

Как видится, указанная классификация имеет своими недостатками статичность и невозможность охватить межотраслевые правоотношения, а также отношения, эволюционировавшие благодаря развитию межотраслевого взаимодействия, как можно это проследить на примере международного инвестиционного права.

В науке предпринимались попытки провести границу между частным и публичным правом в сфере инвестиционных отношений. Так, с точки зрения А. Г. Богатырева, существо частноправового регулирования состоит в определении организационно-правовых форм субъектов инвестиционных отношений, а публично-правового регулирования – в обеспечении правовых гарантий и защиты со стороны государства (в отношениях «власти-подчинения») [5, с. 24, 31]. Н. Г. Доронина полагает, что нормы публичного права регулируют отношения государства с

частным инвестором в связи с допуском иностранных инвестиций, а также в связи с осуществлением государственного контроля за деятельностью инвестора на национальном рынке в рамках законодательства о конкуренции [6, с. 37]. По мнению Я. О. Золоевой, нормы публичного права касаются, например, допуска иностранных инвесторов, а нормы гражданского права определяют порядок регулирования различных форм инвестиций, инвестиционной деятельности как части рыночных отношений [7, с. 18].

На наш взгляд, такое разграничение сферы действия гражданского (частного) и административного (публичного) права является неполным. Гражданское право и Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит нормы частного и публично-правового характера, и регулирует любые имущественные и личные неимущественные отношения инвесторов с другими участниками гражданского оборота, основанные на юридическом равенстве сторон. Оно устанавливает и гарантии в этой сфере. Наличие административного или иного властного подчинения одной стороны другой указывает на сферу административного (финансового) права, в рамках которой государство создает ряд других гарантий инвестиционной деятельности и устанавливает меры государственной поддержки инвесторов.

Список использованных источников

1. Основы цивилистики : учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.] ; под ред. А. В. Егорова и Э. А. Евстигнеева. – Москва : Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. – 259 с.
2. Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. : вып. 2 / Урал. гос. юрид. акад., Рос. шк. част. права, Урал. отд-ние ; редкол. : С. С. Алексеев [и др.] – М., Екатеринбург : Статут, Изд-во Ин-та част. права, 2002. – 511 с.
3. Майфат, А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты : монография / А. В. Майфат. – М. : Статут, 2020. – 176 с.
4. Лисица, В. Н. Инвестиционное право : учеб. / В. Н. Лисица. – Новосибирск : ННИГУ, 2015. – 568 с.
5. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев ; под ред. Л. И. Рябова. – М. : Рос. право, 1992. – 272 с.
6. Доронина, Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина. – М. : Финстатинформ, 1993. – 128 с.

7. Золоева, Я. О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Я. О. Золоева ; ИЗИСП. – М., 2003. – 38 с. УДК 347.73.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИРОВАНИЯ

А. А. Силивончик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, angelina.silivonchuk@mail.ru*

До недавних пор виртуальные валюты использовались исключительно в личных целях, например в рамках компьютерных игр за виртуальную валюту можно было улучшить качества своего персонажа, в социальной сети, купить виртуальный подарок другому пользователю. Сейчас ситуация изменилась: виртуальные валюты стали также способом получения дохода. В настоящей статье исследуется вопрос возможности признания виртуальной валюты объектом инвестирования. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что не все виртуальные валюты могут признаваться объектом инвестирования, а также о том, что в данном вопросе важно разграничивать понятия «инвестиции» и «предпринимательская деятельность».

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, игровая валюта, инвестиции, денежные средства

На сегодняшний день существует действительно большое количество виртуальных валют: валюты социальных сетей, игровые валюты, криптовалюты и так далее. При этом на наш взгляд наиболее оправданной классификацией является разделение их на виртуальные валюты закрытого типа (иными словами, те, которые не имеют связи с реальной экономикой), виртуальные валюты с движением денежных средств в одном направлении (то есть те, которые можно приобрести за фиатные денежные средства, но нельзя обменять на них обратно) и виртуальные валюты с двусторонним движением денежных средств (конвертируемые виртуальные валюты) [1, с. 104].

Можно ли отнести виртуальные валюты к инвестициям?